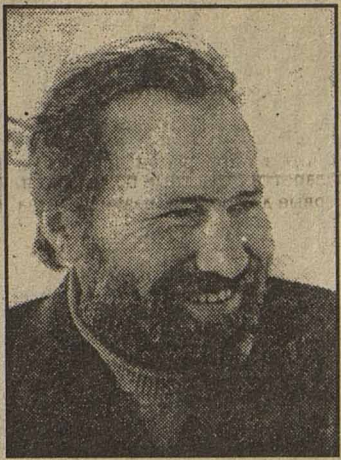

Феномен Шукшина

ВАСИЛИЙ Шукшин родился 65 лет назад, 25 июля.

Несмотря на дикую политическую диктатуру, эпоха «застоя» дала достаточное количество фигур «ренессансных», умеющих более или менее прилично делать практически все — сниматься в кино и снимать кино, петь, плясать, работать в разных жанрах литературы. Для сегодняшних персонажей культуры, проходящих сквозь узкое жерло профессионализма, такая всеохватность выглядит уже просто фантастической и невообразимой.

Феномен Шукшина — это феномен Максима Горького, «народного героя», поднявшегося с самого низа до самого верха и на апелляции к своему народному происхождению строящего карьеру в искусстве.

Российскую деревенскую литературу (а Шукшин, конечно же, был и остается едва ли не самым ярким ее «представителем») всегда можно было упрекнуть за то, что она недостаточно «российская» и «деревенская».

Хотя неизвестно, был ли Шукшин знаком с творчеством Варлама Шаламова, но порой на его страницах за ухмылками придурка из райцентра и слащавым всепрощением деревенского философа видишь какую-то тотальную ненависть ко всему живому и полную невозможность ассимиляции в этой жизни, то есть то, что является шаламовской идеологией. Вероятно, как реальный «человек из народа», Шукшин был лучше многих знаком с многочисленными патологиями русского национального характера, и поэтому очень жаль, что ему так и не довелось сыграть роль Степана Разина. В его исполнении это мог бы получиться настоящий садо-мазохист, умеющий получить наслаждение как от гибели невинной персидской девушки, так и от собственной казни.

Всеобщее влияние Шукшина-кинорежиссера представляется сегодня большим, чем влияние Шукшина-писателя. Неоспоримо воздействие Шукшина на кинематограф стран бывшего соцлагеря, в частности на Эмира Кустурицу и его замечательный фильм «Время цыган». А «Калина красная» — безусловно, выдающийся гибрид двух разных моделей кинематографа — социального боевика и народного кино. Вообще, вот именно такого «народного фильма» не хватает нынешнему российскому кинематографу.

Шукшин — один из королей шестидесятнической исповедальности, но зачастую в его прозе прорывается и не характерная для литературы его эпохи жесткая энергетика, и возникают какие-то принципиально новые параметры русского рассказа. Так или иначе, но Шукшин оказался последним русским прозаиком, похороненным на Новодевичьем кладбище. С тех пор Новодевичье кладбище для русской прозы закрыто.

Игорь ЯРКЕВИЧ